

Скрытые «газовые войны» между Израилем и Турцией

Комментарий Центра АРВАК, 21.01.2025

События конца 2024 г. в Сирии реанимировали в международной повестке тему транс-регионального энергетического маршрута Персидский залив–Европа. Впервые предметные обсуждения об этом проекте появились в 2009 г., когда после известной мюнхенской речи В. Путина (2007 г.) о необходимости реорганизации однополярного мира Запад начал поиски возможностей ухода от «газовой гегемонии» РФ в Европе. Именно она позволяла РФ продвигать свои интересы в ЕС вопреки интересам США, наращивать бюджет, реанимировать ВПК и, как следствие, сделать свой голос более значимым на международных подмостках.

Разработанный в рамках вышеуказанной цели проект предполагал проложение газовой трубы по маршруту Катар–Саудовская Аравия–Иордания–Сирия–Турция–Болгария. Ожидалось, что 25 трлн м³ изведенных газовых запасов Дохи должны были полностью покрыть потребности европейских стран на десятилетия вперед. Однако, реализации проекта препятствовала политическая конъюнктура региона, и одним из главных преград стала возглавляемая Б. Асадом Сирия, отказавшаяся участвовать в этом международном консорциуме и закрывшая свою территорию для газового маршрута. Ряд экспертов считает, что это и стало одним из поводов для глобального изменения внешними игроками ситуации на Ближнем Востоке и странах Магриба, получившей название «Арабская весна». Ее целью была ликвидация «внесистемных» арабских режимов, таких как ливийский, сирийский и египетский, которые, помимо прочего, были настроены против трансформации торгово-энергетических схем в обширном регионе. Глава Ливии Муаммар Каддафи открыто говорил об этом и предрекал, что после Ливии следующей мишенью Запада станет именно Сирия. Б. Асад при поддержке Москвы и Тегерана продержался во власти намного дольше, чем сам М. Каддафи, однако стартовавшая 24.02.2022 СВО РФ на Украине лишила его возможности в достаточной мере пользоваться российской военной и дипломатической поддержкой. Специалисты считают, что после начала русско-украинской войны, а также усугубления экономического кризиса в Иране и гибели 19.05.2024 в результате авиакатастрофы тандема И. Раиси–Х. Абдоллахиан, падение «режима Асада» стало неизбежным. И уже в данном временном отрезке главным бенефициаром смены власти в Дамаске стал не коллективный Запад, а Турция. Существует мнение, что форсирование внутрисирийской трансформации Анкаре во многом было необходимо для быстрого реанимирования проекта уже подзабытого Западом трансрегионального газового маршрута Катар–Европа, способного превратить Турцию в главный континентальный газовый хаб.

По свидетельству арабских источников, на следующий же день после объявления о создании переходного правительства в Дамаске, Анкарой была спущена директива временно исполняющему обязанности премьер-министра Сирии Мухаммеду Аль-Баширу о подготовке правовой и технической базы для переговоров по сирийскому участку будущего газового маршрута. Уже 09.01.2025 стало известно, что Турция, Саудовская Аравия и Катар ведут интенсивные переговоры по вопросу строительства

трубопроводов через Иорданию и Сирию в Турцию, для транспортировки далее в Европу катарского газа и саудовской нефти. 12.01.2025 глава МИД Турции Хакан Фидан в Эр-Риаде вел переговоры по Сирии с главами внешнеполитических ведомств около десятка арабских стран и, предположительно, газовый вопрос был одним из центральных тем повестки.

Как можно судить из поведения Турции, Анкара стремится показать Западу, что указанный проект жизнеспособен и, несмотря на высокую стоимость его реализации и геополитические сложности, является самым надежным способом доставки энергетических ресурсов Персидского залива на европейский рынок. Это критически важная для Турции задача, поскольку на протяжении последних двух десятилетий Р. Эрдоган целенаправленно шел к реализации идеи превращения страны в газовый хаб, причем – замыкающий на себе потоки российского, иранского и катарского газа. От «иранского варианта» пришлось отказаться из-за санкционных мер Запада в отношении Тегерана. Переговоры по российскому газу затянулись из-за тех же западных санкций и ограниченных возможностей сторон самостоятельно и без международных инвестиций выстроить нужную инфраструктуру. Кроме того, стороны имели противоречия по ценовым вопросам и структуризации т. н. «газовой биржи» в Турции.

После заявления В. Зеленского об отказе Украины от любой возможности дальнейшего транзита российского газа через Украину, Москва приступила к форсированию еще не обговоренных с Турцией проектов. Так, 09.01.2025 СМИ РФ, со ссылкой на информированное издание *The Moscow Times*, сообщили, что российский «Газпром» в спешном порядке закрывает свои офисы в Европе и переводит их сотрудников в Турцию, арендуя для них жилье и организовывая уроки турецкого языка. Для Анкары, в контексте ее газовых амбиций, можно было бы считать знаковым этот шаг российского концерна, однако, как стало известно, оптимизм в этом вопросе преждевременен. 11.01.2025 МО РФ сообщило, что украинские беспилотники пытались ударить по расположенной у города Анапа Краснодарского края газокompрессорной станции «Русская», посредством которой прокачивается газ в шельфовый черноморский трубопровод «Турецкий поток». Это первый удар украинских сил по инфраструктуре «Турецкого потока» и, возможно, не последний. Представитель Кремля Д. Песков уже заявил, что Украина сама не решилась бы инициировать подобную атаку. *«Бенефициарами всего этого являются США, которые значительно увеличивают, последовательно увеличивают поставки сжиженного газа на европейские рынки. Причем – это газ, который продается по весьма и весьма завышенным ценам».*

Заявление Д. Пескова, определенно можно считать небезосновательным, поскольку едва ли Киев, учитывая свои близкие отношения с Анкарой, принял бы самостоятельное решение о подрыве турецких экономических интересов. Удар по компрессорной станции может свидетельствовать о том, что его инициаторы вполне могут предпринять попытки подрыва собственно шельфового трубопровода так, как это имело место в случае с «Северными потоками» в сентябре 2022-го. В любом случае, оставшийся единственный действующий маршрут доставки российского

трубного газа в Европу также оказался под угрозой. Учитывая это, у Турции есть все основания предполагать, что санкционированные «не Украиной» атаки намеренно направлены не только против Москвы, но и, собственно, против самой Анкары и ее планов по превращению в главного оператора и распределителя поступающего в ЕС голубого топлива.

Возможно, в Анкаре не имели бы оснований подозревать Вашингтон в антитурецкой энергетической политике, если бы Турция сейчас не столкнулась со сложностями и с проектом по катарскому газу. А они определенно есть и, главным образом, связаны с Сирией и Курдской проблемой, по которым планы Вашингтона и его самого близкого союзника на Ближнем Востоке – Тель-Авива радикально отличаются от турецких. Речь идет о стремлении Анкары сохранить Сирию в виде унитарного государства, тогда как США и Израиль объективно препятствуют этим планам, о чем Центр «АРВАК» уже писал в [предыдущих публикациях](#). И успех турецкой инициативы по реанимации транс-региональной программы катарского газового маршрута в ЕС напрямую связан с положением дел в сирийских делах и, в особенности, на «курдском треке».

Аналитики сходятся во мнении, что Анкаре придется отказаться от идеи проложения катарского трубопровода в случае, если она не сможет сохранить единство Сирии с сильной централизованной властью и не покончит с *«сепаратистским курдским движением»* как в Сирии, так и, собственно, в самой Турции. Международные инвесторы не будут вкладывать деньги в проект, сопряженный с проблемами из-за зоны перманентной дестабилизации протяженностью около 1000 км от Иордании до юго-восточных курдонаселенных территорий Турции.

В Анкаре хорошо осведомлены о настроениях инвесторов, и еще задолго до последних событий подготовили альтернативный план газовой логистики из района Персидского залива. На протяжении последних нескольких лет команда Р. Эрдогана разрабатывала концепцию замены, в случае необходимости, указанного газового маршрута на «иракский вариант». Причем, этот проект предполагает не только прокладку газовой, но и нефтяной трубы, а также железнодорожной магистрали и автотрассы от Залива вдоль всей территории Ирака до турецкой границы. Для осуществления такого масштабного проекта Анкара даже решила уступить Багдаду в «водном вопросе» и увеличить арабской республике стоки воды рек Евфрат и Тигр, в чем категорически отказывала в прежние годы. 22.04.2024 Эрдоган впервые за 12 лет прибыл в Багдад, где, помимо соглашений о квотировании воды и документов о совместной охране безопасности, его командой были подписаны с иракцами также меморандумы о разработке торгово-энергетического маршрута Гранд-Фау (порт на юге Ирака)–Мерсин (порт в Турции). Проект получил название *«Дорога развития»* или неофициально – *«Сухой канал»*, намекая на то, что его инфраструктура будет способна полностью переправить в Европу через сушу весь грузопоток, прибывающий в Персидский залив водным путем. По сведениям издания *Rail Freight*, только на строительство железнодорожной магистрали потребуется около \$18 млрд, тогда как о стоимости других коммуникаций в широком доступе сведений нет.

Может показаться, что иракский комбинированный маршрут грузоперевозок и доставки энергоресурсов в Турцию достаточно перспективен. Особенно, если учесть, что его поддержала Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). По мнению аналитиков издания *Logist.Today*, он также вписывается в новую инициативу ЕС «Global Gateway» («Глобальные ворота») по «укреплению инфраструктуры континента, телекоммуникации и энергоснабжения». Однако, как и в случае с сирийским газовым маршрутом, у него тоже имеются свои «подводные камни». Во-первых, не совсем однозначна позиция саудитов, которые должны предоставить свою территорию для прокладки газовых труб из Катара в иракскую Басру. Во-вторых, для Турции вопрос и здесь сопряжен с той же «курдской проблематикой», поскольку севернее Мосула планируемые коммуникации опять же должны проходить через курдонаселенные территории Ирака. В отличие от курдской автономии на северо-востоке Ирака под главенством лояльного Турции клана Барзани, практически вся полоса иракско-турецкого приграничья находится под контролем враждебной Анкаре Рабочей Партии Курдистана (РПК), которая практически полностью синхронизировала свои шаги с неформальной администрацией курдской Рожавы в Сирии и ее боевыми силами. Турция практически не способна обеспечить безопасность этого маршрута даже в кооперации с иракской армией, несмотря на соответствующие соглашения Р. Эрдогана со своим иракским коллегой Абдул Латифом Рашидом и премьер-министром арабской республики Шия ас-Судани в апреле 2024-го в Багдаде.

Возможно, это было бы решимой задачей для Турции в том случае, если бы в дело не вмешались США и Израиль, методично продвигающие собственные планы на регион и его транспортно-энергетические коммуникации. Последние же заявления и действия Вашингтона и Тель-Авива в контексте поддержки прав курдов на создание государственности в ареале их обитания в Сирии и Ираке свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты и Израиль практически открыто препятствуют турецким планам относительно ресурсов Персидского залива. Это обстоятельство проливает свет на причины разногласий Израиля и Турции по поводу будущего Сирии, а также Ирака.

Представляется очевидным, что американо-израильский тандем не желает установления «пояса стабильности» вдоль южных границ Турции и в Черноморском бассейне, тем самым создавая препятствия ее экономическим интересам. Именно с этой целью Тель-Авив настаивает на проекте федерализации новой Сирии, а США, в свою очередь, не доводят разгром ИГИЛ на сирийско-иракской границе до логического завершения. И в том и в другом случае курдский фактор является важным элементом в арсенале Вашингтона и Тель-Авива для подавления амбиций Анкары и срыва ее планов по установлению гегемонии на всем пространстве Передней Азии и Магриба.

Противостояние Израиля и Турции за первенство в регионе и контроль над ископаемыми ресурсами и их транспортировкой началось еще задолго до описанных событий. Серьезный удар по своим позициям первой получила Турция, когда в 2010 г. на шельфе Левантийского моря (Восточное Средиземноморье) было открыто

богатое месторождение «Левиафан» с более чем 600 млрд м³ подтвержденных на тот момент запасов газа. Израиль стал одним из основных собственников месторождения и учредителей международного консорциума по разведке и добыче газа. Под давлением Израиля, США, Греция и Кипр тогда не впустили Турцию в круг стран-пользователей газовой сделки по «Левиафану», несмотря на попытки Анкары заполучить опосредованное право на газовые ресурсы, используя фактор т. н. «Турецкой Республики Северного Кипра» (ТРСК). Однако этот не признанный в мире марионеточный режим не является субъектом международного права и поэтому не мог претендовать на часть кипрского шельфа, как того требовала Анкара.

Особое значение для Турции представляет тот факт, что месторождение «Левиафан» было открыто спустя месяцы после инцидента израильских ВМС с судном «*Мави Мармара*» у берегов Газы в мае 2010-го. Анкара тогда инициировала резонансный скандал и разорвала дипломатические отношения с Тель-Авивом. Израиль не мог не воспользоваться такой ситуацией, чтобы при поддержке США и совместно с другими участниками консорциума не обделить Турцию возможностью получить дивиденды от стартовавших уже в 2020 г. энергетических проектов, связанных с «Левиафаном».

Однако следующий сильный удар в области торгово-экономических и энергетических интересов пришелся уже по Израилю. 09.09.2023 президент США Д. Байден на встрече «Большой двадцатки» в Нью-Дели презентовал глобальный торгово-энергетический проект «Индия–Европа». Центральным маршрутом разработанного в противовес китайской программе «*Один пояс, один путь*» проекта был коридор ОАЭ–Саудовская Аравия–Иордания–Израиль. В соответствии с планом, маршрут включал в себя комбинированные линии ЖД, автотрассы, газопроводы, нефтепроводы, кабели электронной коммуникации и «зеленой энергии». По сути, проект должен был превратить Израиль в центральную площадку континентальной торговли по оси Восток–Запад, замыкая на еврейском государстве потоки товаров из Европы и Азии, включая энергетическое сырье из Персидского залива. Тем самым, газовым хабом, в который мечтает превратиться Турция, должен был стать именно Израиль, прибрав к рукам монополию на транспортировку также и катарского газа из месторождений Южный Парс и Северный Парс. Однако спустя менее чем месяц после презентации вышеназванного проекта ХАМАС осуществил масштабную атаку на Израиль, положив начало новой ожесточенной войне в Газе. Одним из ее последствий стало сворачивание либо откладывание на неопределенное время грандиозного американо-израильского плана.

В открытом доступе нет фактов, доказывающих, что Турция могла быть замешана в масштабной операции ХАМАС-а, но, вместе с тем, не вызывает сомнения, что именно Анкара стала главным неформальным выгодополучателем от новой разрушительной палестино-израильской войны. В ее результате Израиль лишился перспектив строительства комбинированного маршрута и включения в него газовых потоков из Персидского залива, вновь осложнил отношения с Арабским миром, утратил товарооборот через Красное море (Суэцкий канал) и, в итоге, впал в значительную зависимость от турецких товаров и маршрутов снабжения.

С учетом приведенных выше фактов конкуренции за стратегическую ресурсную базу и логистические маршруты региона, можно предположить, что последние события в Сирии также помещаются в контекст турецко-израильского экономического противостояния. Настала очередь американо-израильского тандема посредством планов по федерализации Сирии и реанимации курдского вопроса разбить сирийский и иракский проекты Турции по обеспечению доступа к Персидскому заливу. Анкару определенно хотят лишить всех вариантов энергетической подпитки (российский, иранский, арабский, средиземноморский газовые направления), понимая, что доступ к дешевым углеводородам и логистический контроль над ними обеспечит Турции необходимую экономическую базу для господства в Передней Азии и Европе. При этом, у Израиля и США имеется собственное видение будущего этого обширного региона, отраженное в стратегической концепции «*Новый Ближний Восток*». И эта концепция она ставит во главу «израильской гегемонии» именно экономическое и энергетическое доминирование над упомянутым регионом.